

Лян Е смотрел на маленький камешек с некоторым недоумением.

— Это что еще такое?

— Забыл? — спросил Ван Дянь.

Лян Е помолчал, затем коротко отозвался:

— М-м.

Ван Дянь до сих пор с содроганием вспоминал тот глоток «белой нефритовой похлебки», что выпил ранее. Он опустил взгляд на камешек в своей ладони, но Лян Е тут же протянул руку и бесцеремонно выхватил его, брезгливо поморщившись:

— Паршивый булыжник, уродство какое.

Ван Дянь раскрыл ладонь:

— Не нравится — верни.

Лян Е повертел камешек в пальцах и злорадно усмехнулся:

— Ты же сам сказал, что я тебе его подарил? Так вот, теперь передумал. Не дарю.

Ван Дянь едва заметно приподнял бровь:

— Как хочешь.

Лян Е внимательно всмотрелся в его лицо, скривил губы и всё же вложил камень ему в руку:

— Цы, подумаешь, кусок мусора. Забирай, лишь бы ты снова не начал капризничать.

Ван Дянь убрал камешек обратно в рукав. Лян Е тем временем взял его веер, покрутил в руке, с резким щелчком раскрыл, тут же сложил и толкнул Ван Дяня плечом:

— Пойдем, покажу тебе луну.

Ван Дянь взглянул на небо, и в следующую секунду Лян Е обхватил его за талию. В мгновение ока они взмыли в воздух. Лян Е, прижимая его к себе, легко приземлился на толстую ветвь гинкго, отчего дерево вздрогнуло, и листва зашумела, осыпаясь дождем.

Прохладный ночной ветерок трепал полы их одежд. Лян Е перенес его еще выше, на тонкую ветку, почти лишенную листьев. Ван Дянь посмотрел вниз — голова закружилась. Воспоминания о том, как Лян Е однажды сбросил его со скалы, нахлынули с новой силой, и он судорожно вцепился в пояс императора.

Лян Е проследил за его рукой, облизнул губы и, придерживая Ван Дяня, помог ему устроиться поудобнее у самого ствола, после чего сам сел рядом, притиснувшись вплотную.

В летнюю жару сидеть так близко было бы невыносимо, но тело Лян Е всегда оставалось ледяным, холоднее куска льда, так что от этого соседства даже веяло приятной свежестью. Ван Дянь, опираясь на ствол, взгляделся в открывшийся вид: бескрайние постройки императорской резиденции и гряда далеких гор, залитые холодным лунным светом, напоминали бесконечный свиток туманной живописи.

Хотя Лян Е обещал показать луну, было очевидно, что Ван Дянь интересовал его куда больше. Он перебирал пальцы Ван Дяня, ощупывая каждую фалангу, а затем переплел их со своими. Заметив, что Ван Дянь не спешит вырывать руку, император осмелел и, подавшись вперед, коснулся губами его мочки уха.

Ван Дянь непроизвольно дернулся в сторону и, повернувшись, встретился с насмешливым взглядом Лян Е:

— Ты... сколько ты помнишь из того, что было раньше?

Лян Е явно не понравилась эта тема. Он потянулся было к его шее, чтобы поцеловать, но Ван Дянь отстранил его рукой.

— Я не знаю, — Лян Е был недоволен, что его прервали, но всё же нехотя ответил: — Что-то помню, что-то — нет.

Видя, что продолжать разговор он не намерен, Ван Дянь сменил тему:

— Почему ты вчера выпил ту похлебку? Ян Мань не видел, как ты ее пьешь, кто знает, не принесут ли тебе еще одну чашу.

Лян Е пропустил вопрос мимо ушей. Он посмотрел на луну, затем схватил руку Ван Дяня и прижался к ней, легко лизнув в ложбинку у шеи, но ничего не ответил.

— Конечно, ты можешь мне ничего не говорить, — опустил глаза, произнес Ван Дянь. — У меня нет права знать.

— Если я... — Лян Е понизил голос, — не выпью, голова начнет болеть еще сильнее.

— Раньше, когда ты три месяца не был во дворце, ты обходился без нее, — медленно проговорил Ван Дянь. — Значит, можешь терпеть. А передо мной разыграл целый спектакль, заставив выпить, а потом вырвал чашу из рук. Мастерски играешь.

Лян Е не стал оправдываться, лишь продолжил то и дело прикладывать губами к его шее. Ван Дянь подцепил его за подбородок, заставляя поднять голову. Лян Е вскинул брови, но Ван Дянь, едва заметно улыбнувшись, поцеловал его.

Это был осторожный, нежный и медленный поцелуй. Лян Е, по-видимому, наконец получив желаемое, с силой обвил его талию и, подражая ему, ответил на поцелуй. Ван Дянь легонько сжал его подбородок, голос его слегка охрип:

— Дыши.

Лян Е тяжело дышал у него на ухе. Ван Дянь вытащил его руку, уже забравшуюся под воротник:

— Ваше Величество, ведите себя прилично.

Лян Е прищурился, словно оценивая, всерьез ли тот злится. Решив, что угрозы нет, он привычным движением обхватил Ван Дяня за затылок, прижал к дереву и, пребывая в отличном расположении духа, снова поцеловал его.

Ван Дянь не стал его отталкивать, лишь обнял в ответ. Лян Е на мгновение замер, но тут же недовольно укусил его за губу и снова запустил руку под одежду, бесцеремонно сжав его поясницу.

Лян Е был на редкость липким и, начав целоваться, никак не мог остановиться. В конце концов Ван Дянь силой отстранил его:

— Не заходи слишком далеко.

Лян Е, не успев насытиться, облизнул губы. Его взгляд, скользивший по телу Ван Дяня, был откровенно голодным:

— Я хочу целовать тебя везде.

Ван Дянь чуть не поперхнулся:

— ...Если ты так неудовлетворен, можешь издать указ о наборе наложниц. Даже в нынешней ситуации найдется немало чиновников, готовых отправить своих дочерей во дворец.

Лян Е брезгливо нахмурился:

— Мне не нужны другие.

Ван Дянь повернулся к нему:

— Ты правда не понимаешь или прикидываешься?

— М-м? — Лян Е сжал его бок.

— Ваше Величество, то, что мы сейчас делаем... — Ван Дянь дунул ему в ухо и тихо рассмеялся, — это называется связь между мужчинами. Ты что, зря читал те книжки и пьесы, или уже всё забыл?

Лян Е чувствительно дернул ухом:

— Я не люблю мужчин. И ты не любишь мужчин.

— Ха, — усмехнулся Ван Дянь. — А чего же тогда целуешься с таким рвением?

Голос Лян Е стал холодным, а улыбка — зловещей:

— Я сказал, что это не так, значит, не так.

— Раз не так, тогда впредь не целуйся, — с легким вздохом отозвался Ван Дянь.

Лян Е протянул руку и сжал его горло. Ван Дянь не шелохнулся, лишь смотрел на него с нечитаемым выражением лица.

— Я слишком тебя разбаловал, ты совсем страх потерял, — Лян Е чуть сильнее надавил на шею.

Ван Дянь дернул уголком рта:

— Ваше Величество, если я буду знать страх, вы же сами и будете недовольны. Даже трехлетний ребенок не ведет себя так неразумно.

Лян Е сжал горло еще крепче, но в последний момент внезапно отпустил его, словно в недоумении:

— Почему ты меня совсем не боишься?

— А чего бояться? — Ван Дянь поднял руку и потер ноющее горло, глядя на тусклый фонарь вдали. — Ты ведь не хочешь меня убивать.

Лян Е недовольно уставился на него:

— С чего ты взял, что я не хочу тебя убить?

— Я просто знаю, — улыбнулся Ван Дянь. — Я буду прилежно играть роль двойника и пешки. В конце концов, пока тебе хорошо, хорошо будет и мне.

Лян Е опустил взгляд, теребя кисточку на его нефритовой подвеске:

— Ладно, не буду пока трогать насекомое.

Ван Дянь посмотрел на него, собираясь что-то сказать, но промолчал, лишь одарил его спокойной улыбкой:

— Хорошо.

Они просидели на дереве почти всю ночь. Ван Дянь весь день проспал, поэтому сна ни в одном глазу не было, а вот Лян Е, видимо, не выспавшийся, прислонился к его плечу и провалился в тяжелый сон.

Они находились на высоте десяти с лишним метров. Боясь, что Лян Е сорвется и утянет его за собой, Ван Дянь одной рукой крепко обнимал его за талию, а другой держался за ветку,

наблюдая, как луна медленно опускается на запад, а с востока пробивается бледный утренний свет.

Тело затекло, половина его просто онемела.

— Лян Е, просыпайся, — позвал он. Лян Е открыл глаза и лениво зевнул.

— Нам пора спускаться, — сказал Ван Дянь. — Через полчаса выезжаем.

— М-м.

Лян Е потянулся на ветке, игриво усмехнулся, спрыгнул вниз на ветку пониже и раскинул руки:

— Прыгай, я тебя поймаю.

Ван Дянь с трудом подавил поток ругательств и с каменным лицом ответил:

— Нет.

В глазах Лян Е блеснули озорные огоньки:

— Тогда ползи сам.

— Возвращайся один, — бесстрастно отозвался Ван Дянь, глядя вверх. — Я хочу еще на солнце посмотреть.

Лян Е цыкнул:

— Ну и капризный же ты, обязательно нужно, чтобы я тебя спустил.

Ван Дянь дернул щекой, но промолчал. Лян Е, словно одержимый, снова взлетел вверх, обхватил его за талию и перенес на землю.

Ван Дяня окутало утренним туманом. Лишь когда ноги коснулись твердой почвы, его сердце, всё утро висевшее на волоске, наконец успокоилось, и он выдохнул.

Лян Е посмотрел на него с необычайной серьезностью:

— Я не стал тебя нести на плече, чтобы у тебя живот не болел.

— ...Какой же ты заботливый, — Ван Дянь взглянул на его лицо, ожидающее похвалы, и почувствовал, что у него заболели глаза.

Лян Е радостно схватил его за руку:

— А еще я велел приготовить в твоей карете виноград, привезенный в качестве дани.

Ван Дянь рассеянно кивнул:

— Благодарю, Ваше Величество.

Лян Е повернулся и, не мигая, уставился на него. Ван Дянь спохватился:

— Лян Е.

Только тогда Лян Е, довольный и сияющий, проводил его до дворца.

— Ваше Величество, вы наконец вернулись! — Юнь Фу, увидев его, чуть не прослезился, готовый вцепиться в ноги Ван Дяня и не отпускать. Юй Ин рядом тоже выглядела так, будто с ее плеч свалился тяжкий груз.

Ван Дянь спросил, заранее зная ответ:

— И что же? Я ведь никуда не уходил эти два дня, чего вы так радуетесь, будто сто лет не виделись?

Пухлое лицо Юнь Фу дрогнуло, он виновато улыбнулся:

— Ваше Величество, всего одна ночь — а я уже так соскучился.

Ван Дянь хмыкнул. Юй Ин добавила:

— Ваше Величество, карета готова, прошу вас, извольте ехать.

Полчаса спустя Ван Дянь смотрел на полную тарелку винограда в карете. Он чувствовал себя странно, ситуация казалась ему нелепой. Он взял одну виноградину, повертел ее, но так и не стал чистить.

— Ваше Величество, господин Ван Дянь передал, что у него дела, придет через полчаса, — заглянул внутрь Юнь Фу.

— Я знаю, — кивнул Ван Дянь и положил виноградину обратно на тарелку.

Прошло около четверти часа, как вдруг снаружи послышался шум. Ван Дянь собрался открыть окно, чтобы посмотреть, что происходит, как вдруг дверь, которая была плотно закрыта, едва шелохнулась, и перед ним словно из воздуха возник человек.

Золотая полумаска Цюань Нина была особенно приметна, а в его наполовину открытом лице с глубокими чертами и изумрудными глазами читалась насмешка:

— Давно не виделись.

Ван Дянь прислушался к шуму снаружи:

— Это твоих рук дело?

— Тот император Лян слишком пристально за тобой следит. Я два дня ждал подходящего случая, — Цюань Нин многозначительно посмотрел на него. — Вы двое всю ночь целовались, у меня аж зубы свело. Родные братья, пренебрегая приличиями, сошлись вместе — забавно, мне нравится.

— Мы не братья, — Ван Дянь почувствовал, как дернулся глаз. — Еще не прошло три месяца.

— Ингредиенты я собрал заранее, — с интересом протянул Цюань Нин. — Так он твой старший брат или младший? Родной брат посадил тебе гу-мать и гу-дитя, ну вы даете.

Ван Дянь решил не объяснять.

— Как избавиться от гу-дитя?

Цюань Нин достал кроваво-красную шкатулку. Внутри лежала крошечная красная пилюля.

— Если ты примешь ее, с тобой ничего не случится, но стоит ему коснуться хотя бы крупницы, как гу-мать внутри него взбесится и убьет его на месте. Ты вполне можешь растворить лекарство у себя во рту и передать ему через поцелуй. Я видел, как вы любите это делать.

Ван Дянь неловко кашлянул и протянул руку за шкатулкой.

Цюань Нин накрыл ее ладонью, его голос стал серьезным:

— Ты хорошо подумал? Действительно хочешь смерти императора Ляна? Может, я лучше дам тебе гу-любви или еще что поинтереснее? Он будет привязан к тебе и станет исполнять каждое твое слово.

Ван Дянь слегка улыбнулся и сжал кроваво-красную шкатулку в руке:

— Если бы это был ты, оставил бы ты рядом человека, который в любую минуту может тебя убить?

— Конечно, нет, — весело рассмеялся Цюань Нин. — Жестокость — это по мне. Я решил: мы с тобой подружимся.

— Слишком много чести, — ответил Ван Дянь. — Прощай, не провожаю.

Цюань Нин, повиснув на дверной раме, не унимался:

— И как, у тебя действительно получается возбудиться, глядя на родного брата?

— Природа наградила, — улыбнулся Ван Дянь, пряча руки в рукава.

Цюань Нин хмыкнул и, словно порыв ветра, исчез. Снаружи всё еще стоял шум. Ван Дянь спрятал шкатулку в рукав, где она глухо стукнулась о маленький камешек.

<http://bllate.org/book/21737/2247152>